

Социальные реалии: вчера и сегодня

© 1994 г.

Ю.Г. ВОЛКОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАТМЕНИЕ?

ВОЛКОВ Юрий Григорьевич — проректор Ростовского государственного университета, доктор философских наук, профессор, академик Академии социальных наук.

Ныне все реже вспоминаются те времена, когда термин «идеология» выступал одним из ключевых в социально-политической жизни. Из партийного лексикона он шагнул тогда широко и «доходчиво» и язык экономики, науки, культуры, повседневности. Шла «идеологическая борьба». По идеологическим соображениям принимались не только крупные социальные решения, затрагивающие судьбы всей страны: соответствующим образом контролировались и регламентировались семейный быт, профессиональная карьера и досуг человека, его морально-политический облик. И хочется верить, что эти времена уже отошли и отходят от нас дальше и дальше. Но так ли это на самом деле? Не спешим ли мы вообразить меру дистанции в данном случае?

К сожалению, для нашей социологической мысли тема идеологии потухла как-то в одночасье, не успев проблематизироваться по должному. Между тем многое говорит о том, что такое отношение опрометчиво. Даже наблюдаемая сегодня в той или иной форме массовая реакция отторжения идеологии, причем практически любой, — феномен по природе идеологический, отчасти выражающий социально-психологическую специфику российской жизни кризисного периода. Это отнюдь не конец эпохи идеологий по большому счету, а, скорее всего, смена сценариев и ролей, задающая иные стили и жанры представления.

Можно допустить, что перед нами своеобразная ситуация идеологического выбора, где главные действующие лица — сами индивиды, озабоченные больше всего собственными экономическими проблемами, неожиданными поворотами личного жизненного пути. Каковы бы ни были результаты российских реформ (положительные или негативные), человек сталкивается в первую очередь с необходимостью пересмотра со своей позиции тех ценностей, которые прежде казались незыблемыми и гарантировали вполне надежное включение в социальную связь с другими людьми, причем в различных сферах общества — экономической, правовой, культурной, бытовой и т.д. Теперь для массы людей таких гарантов нет, их необходимо искать. Но как? Помогут ли государство, СМИ, школа? Под мощным и эмоциональным напором разоблачений тоталитаризма, коммунизма, партократизма и т.п. пошатнулось, как ни странно, доверие к рациональной социальной мысли, к способности разума критически воспринять те или иные ценности, традиции, взгляды, увидеть социальный смысл индивидуальных, частных интересов и действий. Жизнь, наполняющаяся риском и неопределенностью, склоняет обратиться к помощи мудрости астрологических пророков, бормотанья рок-певцов, а то и просто к жесткой реальности киноиллюзии. Перед массовым обыденным сознанием распахнулась дверца идейной клетки.

Еще в начале перестройки, когда уже заходил разговор об идейно-духовном плюрализме в обновленном обществе, идеологи из ЦК КПСС по старинке представляли будущее в розовом свете. Главной фигурой у них выступал простой совет-

ский человек, стремящийся к свободному труду и творчеству, имеющий достаточно кругозора, чтобы отделить белое от черного, отстоять добро в поединке со злом или, к примеру, сочетать марксизм-ленинизм с православием. Этаким зрелым гражданином, о котором с пафосом в свое время писал П.Фейерабенд: «Это не человек, который воспитан на принципах специальной идеологии (например, пуританства или критического рационализма) и который носит ее с собой, подобно духовной опухоли. Зрелый гражданин представляет собой личность, которая научилась развивать и обогащать свое мышление, а затем приняла решение в пользу того, что представляется ей наиболее подходящим. Это личность, обладающая определенной духовной стойкостью (которая не подпадет под власть первого встретившегося ей уличного зазывалы) и, следовательно, способная сознательно избирать то занятие, которое кажется ей наиболее привлекательным. Для подготовки себя к этому выбору гражданин должен изучить главные идеологические течения как исторические феномены, и науку он также должен изучить как исторический феномен, а не как единственно возможный способ решения проблем» [1]: Слов нет, подобным гражданам, очевидно, по плечу свободное решение или выбор хотя бы только между наукой, мифом и религией. Но где их взять - интеллектуалов» причем не в лабораторных условиях университетов, а на просторах России? Не будем гадать. Во всяком случае и для созревания знаков нужны время и благоприятные условия.

Со временем всегда почему-то было плохо. Одна из причин неудач и тупиков растянувшейся на столетия модернизации в России — непреодолимый зазор между сферой идеологических учений, теорий, доктрин, схем и массовым повседневным дознанием людей, которое, как правило для революционеров и перестройщиков» различных мастей в конечном счете оставалось за семью печатями. Попытки пробраться к нему заканчивались досадной несовместимостью целевой и ценностной форм практики, сознания, вульгаризацией и опошлением в целом достойных идей и уничтожением естественных оснований народной жизни, в особых случаях — гражданской войной, разрухой, гибелью миллионов людей. Еще задолго до 1991 г. некоторые неглупые западные специалисты и ученые тактично предупреждали отечественных радикально-настроенных реформаторов, что переход к рынку в принципе возможен, что чисто технически на этом пути можно преодолеть институциональные, финансовые и прочие препятствия, но как пройдут неизбежные при этом ценностно-духовные сдвиги, какова будет нравственная реакция общества, трудно предугадать. Не исключены конфликты, причем затяжные, способные дестабилизировать социальную жизнь, нарушить сложившиеся связи в рамках страны.

Спор о причинах распада СССР, роста национально-этнических конфликтов в странах СНГ, регионального обособления и т.д. не окончен. В этих политических процессах проще всего, наверное, усмотреть происки отдельных лиц, «групповой заговор», короче, злой умысел, чем реакцию массового сознания, остающегося по характеру тоталитарным, на скоростные и масштабные изменения в обществе, события, протекающие по схеме цепной реакции и грозящие непредсказуемыми последствиями. Люди не боги. Они по-своему реагируют на свободу выбора: отделяться или не отделяться, конфликтовать или не конфликтовать, наконец, убивать или не убивать. Даже если выбор и выглядит вполне однозначным (на словах или на деле), не оказывается ли по большей части что для отдельного человека и массы в целом свобода в данном случае означает всего лишь принципиальную незавершенность выбора: можно поступить так, а можно иначе, или сегодня можно поступить так, а завтра — противоположным образом. Для зрелого выбора, похоже, недостает малости - устойчивой соотнесенности поступка с определенной системой ценностей, заинтересованности в общезначимых конечных результатах. Другими словами — ответственности, «духовной стойкости», по выражению Фейерабенда.

А может, и не было в запасе никаких особых ценностей, идей, кроме желания пожить получше, как на Западе? Такое допущение, видимо, уязвимо. Если вспомнить недавние годы, то трудно отрицать, что массовые ожидания, связанные с политикой

перестройки, ориентировались на признание общечеловеческих ценностей, прав человека, утверждение правовой справедливости, устранение коррупции и всевластия бюрократии, прекращение мирового ядерного противостояния. Каким образом тогда стало возможным заметное распространение идей, представлений, взглядов, характерных для идеологии национализма, фашизма, криминальщины? Многим в них видится один из способов социальной защиты в условиях, когда другие средства утратили прежнюю надежность.

Впрочем, нелегко судить и даже говорить о распространении идеологии в обычном понимании применительно к России. Пропаганда теории, проповедь учения, разъяснение концепции, доктрины сегодня не в моде. Соответствующие установки, ценностные предпочтения, стереотипы поведения формируются ненавязчиво, без сопровождения «философского» флера, рефлексии, а как бы под воздействием точечного массажа. В ходу зрелища, театральная символика, памфлетно-детективный жанр, полуанекдот, фарс; идеология все больше ориентируется на видео, телепередачи, музыку, пение, воздействие идет не на интеллект, а на подсознание [2]. И хотя для мира это не в новинку, однако идейная толерантность, задаваемая на данном, уровне, переходит все мыслимые границы, вызывает нередко буквально шок.

Не исключено, что эффекты идейного эпатажа, сумятицы выступают при этом своего рода средством самоутверждения участников, обретения образа героя, оракула, лидера. Расчет, как правило, без проигрыша. Один из талантов отечественного рока определил однажды главную тему своего творчества как «профанацию тоталитарного героизма», имея в виду развенчание «Победы» и «победителей» в минувшей войне, и зал ответил ему овацией [3]. Реакция психологического отторжения прошлого и настоящего весьма удобна для возведения новых культов, для поощрения варварства.

Несколько иную характеристику российской идеологической специфики можно заметить в причудливом переплетении, казалось бы, самых далеких друг от друга взглядов, позиций, идеологем. Рядом, в одной голове, в одном тексте соседствуют и мирно уживаются положения, свойственные коммунизму и монархизму, фашизму и либерализму, демократии и авторитаризму. И это касается отнюдь не только простых, неискушенных в духовных секретах людей, но прежде всего так называемых профессионалов, новых политиков, идеологов. Пример Э. Лимонова, стремящегося к объединению коммунизма и фашизма, В. Жириновского, смешивающего либерализм с авторитаризмом, возможно, слишком тривиален, но тем не менее, думается, показателен.

Стремление квалифицировать в строгом смысле слова то или иное идейное состояние умов, общественно-политических движений, течений выглядит по меньшей мере тщетным занятием, когда известные до сих пор эталоны просто не выдерживают сопоставления с продуктами процесса, который трудно назвать иначе, как процессом духовного распада. В ситуации, когда старые ценности либо забыты, либо лишаются признания, а новые не укоренились, оказываются заемными, чужими, по-другому быть не может. В таких условиях ввод новых ценностей в расчете на западные стандарты, на что ориентированы реформы, может драматически запоздать, не состояться; получится очередной российский провал.

Судя по идейному заряду официальной и полуофициальной политики, реформаторских программ, ориентированных в большей степени на стихию, социальную самоорганизацию, не все в данном отношении обстоит благополучно. Что говорить, если либерализм курса реформ далек от либерализма в западном понимании. Ведь либерализм — это правовая идея, базирующаяся на правах и свободах человека, на правовом государстве, на суверенитете народа, на рыночном механизме с развитой конкуренцией, устоявшимися правилами. А много ли этих оснований у нас? Все это в западной истории сложилось не вдруг, а опиралось на определенные традиции, в не в последнюю очередь — на духовные, этические, правовые. Если этого нет, то по логике вещей необходимо целенаправленно создавать недостающее, беречь в старом то, что могло бы облегчить создание, укоренить его. В реальности происходит нечто

иное, вопросы устройства правовой системы, правовых отношений уходят на второй, третий план, вопросы образования и культуры рассматриваются чисто номинально в надежде, что общество, негосударственные организации сами определятся, без реальной поддержки государства. Не поэтому ли экономика и социальная жизнь так успешно криминализуются, что приходится прибегать к экстренным, чрезвычайным мерам, аналогичным указу о борьбе с организованной преступностью?

Может показаться, что в официальных российских кругах приняли на веру сценарий, предложенный небезызвестным Ф. Фукуямой, который выдвинул тезис о неоспоримой победе экономического и политического либерализма, при которой нет надобности ни в искусстве, ни в философии, а остается главным образом экономическая деятельность [4]. Развитие, понимаемое одномерно, как безграничный экономический рост, происходящий в культурном вакууме, инертной человеческой среде, рано или поздно сталкивается с серьезными проблемами, о чем свидетельствует опыт модернизации в послевоенный период. Над этим стоит задуматься, когда даже западные специалисты признают, что любая доктрина, основанная на одномерной абстракции, какой является гомоэкономикус, не только недооценивает глубины истинной природы человека, но и сама уязвима, поскольку экономический рост в большей степени зависит от таких переменных факторов, как творчество и способность к адаптации [5].

На мой взгляд, ощущается потребность в особом внимании к идеологическим процессам в обществе, к тем подвижкам, трендам, которые, безусловно, имеют место, но латентны. Идеино-духовный такт, соразмерность нужны в первую очередь политическим элитам, государственной власти, поскольку любой политический курс предполагает своевременную коррекцию и для своей реализации требует поддержки масс, в конечном счете понимания. Кредо радикалов — ввязаться в драку, а там посмотрим, — не подходит для конца XX века. Слишком много накопилось проблем, и мировых и национальных, например, экологических, которые не могут быть решены волевым, произвольным способом, а подразумевают направленное, интегрированное, сознательное участие народов, миллионов людей.

В этой связи важность углубления социологического подхода к исследованию идеологических явлений общественной жизни представляется очевидной. Здесь мало одного отслеживания рейтинга популярности тех или иных доктрин, партий, организаций, политических лидеров, выяснения динамики ценностных ориентаций по экономическим и политическим проблемам. Нужна серьезная аналитическая работа, которая невозможна без пересмотра и уточнения исследовательской парадигмы, переосмысления ее теоретико-методологического основания. Имеются в виду в первую очередь само понятие идеологии, форма социокультурного объяснения идеологических тенденций, их связи с историей, традициями.

Наиболее распространено понимание идеологии, согласно которому она представляет собой совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической, более или менее систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению общественных отношений, а основой идеологического отражения действительности выступают социальные интересы. Подобным образом это понятие определяется в специальных словарях. Однако теоретичность и систематизированность не выражают сущности идеологии. На мой взгляд, такие рассуждения об идеологии исходят из экстраполяции марксистско-ленинской трактовки основного вопроса философии — соотношения общественного бытия и общественного сознания — на толкование общественной жизни. Отсюда вытекает неправомерная дифференциация «общественного сознания» на обыденное (социальную психологию масс) и теоретическое (идеологию). Отсюда — утверждение о том, что существует ложная идеология и научная, истинная идеология.

Ложность - истинность представлений об обществе как критерий идеологии весьма условен, и речь чаще всего идет о том, признаются или не признаются, принимаются

или не принимаются обществом те или иные ценности, продукты духовной практики. А вот то, как происходит подобный процесс, имеет непосредственное отношение к идеологии. Если не отрицать значимость культуры, духовной сферы жизни общества для устройства социальной связи людей, вторичных социальных структур, то идеология выступает как особый процесс интерпретации духовного опыта, идеалов, знаний, ценностей, традиций с целью общественного объединения людей, вступления их в социальную связь, причем не только в экономике. Без этого невозможны были бы ни право, ни государство, ни регуляция социальных отношений. Раньше этот процесс находился под контролем специализированных органов (церковь, государство), ныне он все более и более демократизируется, и с этим необходимо считаться.

Такой процесс интерпретации, конечно, социокультурно обусловлен, детерминруется социальными интересами и вместе с тем предстает в виде взаимодействующих традиций, филиации идей, идеалов, например, идеалов свободы, справедливости, солидарности, равенства, их распространения в обществе. Наверное, поэтому термин «идеология» употребляется в анализе традиций научного знания применительно к математике, физике, к формированию мировоззрения, картин мира. Таким образом, идеология - это и система теорий, принципов, идей, ценностей, описывающих социальное положение человека в обществе, и система нравственных, правовых, политических директив действия, организации общества. Идеологическая структура общества определяет развитие всех сфер социума и неразрывно связана с его культурой.

Можно вычленил следующие функции идеологии в социальной системе. *Во-первых*, гносеологическая функция — на основе систематизации знания, полученного в различных сферах культуры и на опыте социальных групп (если речь идет о гетерогенной социокультурной системе), создается та или иная модель мира и места человека в нем, разумеется, в первую очередь, социального мира, отражающая интересы той или иной социальной группы. *Во-вторых*, оценочная (аксиологическая) функция — дается вполне конкретная оценка на основе социальных интересов различного рода ценностей и норм поведения, а именно: нравственных, эстетических, правовых, политических, экономических, религиозных и проч. *В-третьих*, *программно-целевая* — идеология показывает цели, разрабатывает программы их достижения, регламентируя тем самым поведение людей в обществе (достаточно вспомнить шариат как систему норм поведения мусульманина). *В-четвертых*, футуррологическая — моделирование развития своей группы и общества в целом. *В-пятых*, *интегрирующая* — формирование определенного подхода к тем или иным явлениям социокультурной практики общества. *В-шестых*, защитная — конкурентное взаимодействие с другими идеологиями; отсюда либо бескомпромиссная борьба, либо партнерское сосуществование. *В-седьмых*, *социально-организующая* — идеология определяет принципы организации исправления жизнью общности. Фактор идеологии «вписан» в мир общественной жизни и человеческой культуры, что очень хорошо просматривается в различных цивилизациях.

Данный список, безусловно, относителен и не претендует на закрытость; многообразие функций и их социальная значимость варьируются в каждом конкретном случае, реальной исторической ситуации. Тем не менее можно указать универсальную функцию идеологии — выработка языка социальной жизни, без которого не мыслимы ее целостность, «разумность» в решении множества проблем, затрагивающих интересы граждан. Вне языка идеологии не произойдет артикуляция социальных интересов, дифференцированных по социальным группам, слоям, не состоятся легитимация их взаимозависимости и обнаружение, признание всеобщих целей.

Неуслышанный и непонятый социальный интерес может подтолкнуть общество к агрессивной разъединенности, патологизирующей сознание, к аргументам шантажа и насилия. История не раз показывала, каких плодов стоит ожидать тогда на социаль-

ном поле. В то же время недостаточно лишь принять общие цели, заявить интересы; их еще нужно постоянно подвергать сомнению и корректировать с учетом общественных условий, нужно проверять с помощью общественного мнения адекватность и «дозволенность» средств их реализации. В противном случае нереализуемая цель превращается в фетиш, утопию, скрывающие асоциальность предписанных ею мотивов и действий, как, например, случилось с идеей коммунизма в советском обществе. В западных странах приняты определенные процедуры, препятствующие подобным результатам. Социальные цели, проблемы, прежде чем получить легитимную общественную форму, проходят селекцию в широком обсуждении, в котором участвуют избиратели, всевозможные группы лоббирования, комитеты политического содействия, пресса, профсоюзы, организации предпринимателей, парламентские комитеты и т.п. Не последнюю роль при этом играют научно-исследовательские центры, фонды, авторитетные специалисты-интеллектуалы. Язык целерациональной идеологии основывается на давней культурной традиции.

Значимость культуры для обустройства общественной жизни не всегда учитывается аналитиками. Дихотомия Восток-Запад при всей своей абстрактности и развернутости в прошлое имеет определенный эвристический смысл сегодня, способна выступить моделью дуалистического характера духовных, идеологических процессов, так или иначе формирующих образ современной цивилизации в стремлении человечества к единству. Ко многим общечеловеческим проблемам социокультурной жизни народы шли двумя, не совпадающими по традиции путями. Начиная с античности, в истории возникли две разные социальные структуры, два расходящихся в дальнейшем типа духовной культуры — европейская и неевропейская. Последняя, не исключаящая Определенного многообразия вариантов, обладала общим характером — отсутствием жизнеспособных структур и ценностей частной собственности, «гражданского общества». Общинность и деспотизм в той или иной степени закрепляли в духовной традиции ценности государственного бытия человека, идеологии государственности. Религия, этос сословной жизни, чиновничества, армейской службы, государственных работ органически соответствовали данной традиции.

Неевропейство по мере исторического развития лишалось былого географического смысла и проступало всюду, где государство принимало абсолютные формы воплощения. Тоталитаризм индустриальной цивилизации возвел идеологию государственности на небывалую высоту, превратил ее в квазирелигию. Наверное, ничто так не выразит суть этой идеологии, как высказывания ее основателей. Вполне понятны слова Муссолини, утверждающего, что для фашиста — все в государстве, ничто человеческое и духовное вне государства не имеет ценности: здесь фашизм тоталитарен, индивидуум не имеет ни права, ни обязанности существовать. В «Майн кампф» Гитлер требовал превратить Германию в авторитарное государство во главе с вождем-диктатором, имеющим абсолютную, ничем — ни законом, ни моралью — не ограниченную власть [6]. Безграничность государственной власти, способной вершить судьбы не только своего народа, но и других наций, — кредо тоталитаризма, который род разными масками претендовал на мировое господство.

История «европейства» — это традиция формирования ценностей, идей, суть которых неразрывно связана с тенденцией ограничения власти государства, его вмешательства в жизнь общества и личности. С этой точки зрения либерализм — действительно классический феномен западноевропейской цивилизации. В либерализме, объявившем частную собственность священной и неприкосновенной, впервые была дана трактовка человека как суверенной личности, которой нельзя навязывать привнесенные извне или сверху правила. Человек естественным образом действует в своих личных интересах, пока его не остановят интересы других людей. Либеральная экономическая философия пропагандирует ценности свободной и неограниченной конкуренции. Именно такая конкуренция обеспечивает нормальную селекцию в экономике. Вопрос о побежденных и пострадавших в экономическом соревновании социальной защите нежелателен, как нежелательна никакая коррекция, никакие влия-

ния на рыночную селекцию. Ранняя форма либерализма, имея позитивные плоды, вызвала и негативные последствия, анархические по природе конфликты.

Крайности либерализма призван был устранить консерватизм, не отменяющий базовые ценности первого. Для него факторы равновесия и интеграции общества чрезвычайно важны и предполагают активную социальную политику протекционизма, повышение престижа административно-управленческих функций. Бог, родина, этничность, язык, общее прошлое, общая судьба — ценности социальной интеграция. Логика идейно-духовной и политической эволюции привели к возникновению либерального консерватизма, вступившего в диалог с социал-демократией. В противовес неограниченности капитала социал-демократы выступали за ограничение ценностей либеральной экономической рациональности, за соблюдение справедливости.

В истории их доктрины немало результатов справедливой рационализации капитала: запрещение детского труда, женского труда в ночную смену, сокращение рабочего времени, введение гарантированной минимальной заработной платы, страхование по болезни, создание фондов солидарности. Социал-демократия изменила представления о государстве: в его функции вошли коррекция рыночных социальных неудач (пособия по безработице, социальные субсидии, охрана окружающей среды), система регенерации рабочей силы (создание соответствующей инфраструктуры - транспорт, жилье, центры отдыха, городское и региональное планирование). Государство также активно вмешивается в военную промышленность, сферу исследования космоса, проводит структурную политику влияния на движение капитала.

Если взять последние сорок лет Европы, то вырисовывается с известной относительностью циклический порядок политико-идеологической практики: за возвышением либеральных консерваторов следовал прорыв социал-демократов, через неполную декаду верх одерживала консервативная идеология и т.д. В этих циклах сохраняется либеральная традиция и в то же время переосмысливается инструментальное значение государства как гаранта социальных и экологических ценностей, расположенных за пределами сферы экономики, не поддающихся выражению на языке идеологии капитала. Главные результаты этого движения еще впереди.

Спешить с выводом о какой-то идеологической трансформации «европейства» по модели синтеза с «неевропейством» на основании только идеи государства было бы неправомерно. Тем не менее трудно отрицать, что идея органа, направляющего социум и заполняющего пробелы экономической свободы, не исчезает из общественной мысли, а постоянно видоизменяется и адаптируется к новым реалиям западной культуры. Очевидно, история предлагает человеку такие проблемы, которые мобилизуют весь генофонд эволюции цивилизации и не дают ему впасть в состояние ограниченности. У этого исторического опыта существует не одна логика. Россия, пережившая драму тоталитаризма, подтверждает этот тезис.

Возвращаясь к отечественным вопросам идеологической практики, можно предположить, что уход от тоталитаризма вовсе не предполагает вытеснения государственной идеи из массового сознания и победу либералистских представлений, оправдывающих политику ограничения вмешательства государства в экономику и другие сферы общественной жизни. Напротив, все говорит о том, что данная идея по-прежнему обладает консолидирующим потенциалом и ее стремятся использовать в борьбе за «духовную власть» различные политические силы. В условиях спада промышленного производства, повышенных ожиданий безработицы, кризиса образования и науки наиболее «мягкий» и эффективный вариант ее интерпретации и переосмысления, вероятно, должен исходить от социал-демократов, отошедших от коммунистической идеологии.

Однако представляется, что социал-демократизм с трудом идет к своему самоопределению в политической жизни России и не очень-то свободен в дискуссии с другими партиями, прежде всего экстремистского, профашистского толка. Эти партии и могут целиком перехватить идейную инициативу в обществе, повернуть государственную идею в старое тоталитарное русло. О том, что это может произойти без

всякой помощи социалистической идеологии, самобытно, лучше всего заявили в свое время эмигранты-евразийцы, которые в своей этатистской утопии четко поставили вопрос о российской идеократической традиции.

И все-таки идеологический выбор есть. Россия имеет определенную традицию государства социальной защиты, справедливости, законности, гражданства, этим нельзя пренебрегать, вводя рыночные механизмы, частную собственность. Ведь они могут не прижиться или прижиться в уродливом виде, если в который раз основная масса людей признает в государственной власти не помощника, а плута, обыкновенную мафию. Для того чтобы выбор состоялся, пожалуй, недостает честного, открытого обсуждения наболевших проблем, возвращения к российской духовности, согласию. Не нужно только одного — идеологического затмения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 465—466.
2. *Кайтуков В.М.* Эволюция диктата (опыт психофизиологического исследования). М., 1992. С. 209.
3. *Мяло К.* Посвящение в небытие // Новый мир. 1990. № 3. С. 232.
4. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3. С. 134—148.
5. *Майор Ф.* Культура и новые свободы // Курьер ЮНЕСКО. 1993. Май. С 45.
6. *Гитлер А.* Моя борьба. М., 1992.